

manolo-75: blitz at the height of summer

Manuel NUNEZ-YANOWSKY's answers to 50 questions by Boris EROFALOFF

On July 20, in the White Hall of the Central House of Ukrainian Architects, a new tradition was born to our architectural guild. I mean handing down of a pencil and espadra by architects of high renown and repute to their younger colleagues.

The ritual was brought to our Penates by Manuel Nunez-Yanowsky, a wellknown architect of international renown and repute. Since the great bulk of his time was spent in his sunny Spain, no wonder that this ritual form has been borrowed from corrida, when a battle-hardened matador hands down his cloak and sword to his younger mate. In the case in point the part of a young but promising architect was performed by Stanislaw Dyomin. As Manolo puts it: "Really, this is a very picturesque festive occasion to help the young to spread their wings. At our corridas it is done very impressively. The old master has to enter the arena to meet the bull (with his 600 kilos), flying at him. I want to remind you that the matador is not allowed to have any sword, only his cloak. Just imagine, to meet the beast, to walk with him, to play with him, to have the public stand up in ovation. Then the master summons the young matador, hands down to him his cloak and sword. Leaves him with the same bull... and the young matador has to surpass the master".

The pretext for the occasion was the 75th anniversary of the master. To celebrate this date he has chosen Kiev. Why? Kiev is the place of his wonderful romantic story. And Stas Dyomin was a link between the two slightly acquainted coworking architects. The result: their acquaintance grew into something more. It was in Kiev that Manuel found the beautiful Julia, who became his wife and three years ago bore him their

Biscuit cake in the shape of Picasso Plaza

July 20, 2017. In the foreground: V. Zhezherin, Ju. Suprunovich, M. Nunez-Yanowsky, N. Diomin

little Fabian. The little Fabi, his mother Julia and even her parents were present at the occasion, to say nothing of the local worthies of our guild.

It stands to reason that Manuel had his own version of getting a pencil and espadra. Let him have the floor: "It was the last year of my work in Taller de Arquitectura. I remember to have told Bofil that if he was going to just make profits on construction, in the future we would travel quite different roads. And soon it happened so that our French clients offered a project to develop not to Bofil but to me. I refused to do that and quitted the stage. Then in Belgium I met Henry Guchez. We knew each other before. I often ran into him on different working issues. Then he was the same age as I am now — 75. And I was then 35 as my Julia is now. And he made me 50–50 offer. He gave me his workshop, car, chauffeur, and... Our work started at full swing. So appeared interesting Belgian projects, and I gained my architectural independence". It is true that in many aspects Nunez-Yanowsky is quite an exceptional figure. The following day's interview with him has proved this once again.

МАНОЛО-75: блиц среди лета

Мануэля НУНЬЕС-ЯНОВСКОГО расспрашивал Борис ЕРОФАЛОВ

20 июля в Белом зале Центрального дома архитектора случилась закладка новой традиции нашего архитектурного цеха — передача карандаша и эспадры (наугольника) от матерого архитектора молодому.

Форму ритуала завез в наши пенаты известный международный архитектор Мануэль Нуньес-Яновский. И поскольку основное свое время он проводит в солнечной Испании, то заимствована эта форма из корриды, когда бывалый матадор передает плащ и шпагу младшему. В нашем случае роль мальчика, то есть архитектора молодого, но перспективного, исполнил Станислав Дёмин. Как говорит Маноло: «Это на самом деле очень красивый праздник для того, чтобы помочь молодым взлетать. В наших корридах это делается очень красиво. Старый маэстро должен выйти на поле, принять быка — боо кило, которые летят на тебя, — без шпаги, только с плащом. Принять его, прогуляться с ним, поиграть с ним, поднять публику на овацию. После чего он вызывает молодого матадора, вручает ему свой плащ и шпагу. И тот должен превзойти маэстро с тем же быком».

Поводом для праздника послужил 75-летний юбилей маэстро. И отметить его он решил в Киеве. Причиной тому стала удивительная романтическая история. Ну, а Стас Дёмин был звеном, благодаря которому рабочее архитектурное знакомство переросло в нечто большее. Именно в Киеве Мануэль нашел прекрасную Юлию, которая стала его женой и три года тому подарила ему маленького Фабиана. И маленький Фаби, и Юля, и даже ее родители присутствовали на празднике, не говоря об уважаемых представителях цеха.

Историю такой передачи карандаша и эспадры самому Мануэлю в его молодые годы он живописует так: «Это был мой последний год в Taller de Arquitectura, когда я сказал Боффилю, что если он собирается просто зарабатывать на строительстве, пусть больше на меня не рассчитывает. Как раз случился эпизод с нашими французскими заказчиками, которые предложили разработать проект мне, а не Боффилю, я ответил, что не буду этого делать, и ушел со сцены. Тогда в Бельгии я встретил Анри Гучеса (Henry Guchez), до этого мы пересекались по разным рабочим

М. Нуњес-Яновский и Б. Ерофалов

вопросам, ему было столько же, сколько мне исполнилось сегодня, 75. А мне было 35, как Юле. И он предложил: 50 на 50. Передал мне свою мастерскую, машину, шофера, и — давай работать! Так появились интересные бельгийские проекты, и я стал независимым архитектором».

О том, что Нуњес-Яновский фигура во многих отношениях исключительная, широко известна. Но мы еще раз убедились в этом, взяв у него на следующий день блиц-интервью из пятидесяти вопросов:

1. Вас считают гуру постмодернизма 1980-х. Справедливо?

Постмодернизм изобретен американцами, я не люблю американцев.

2. Лучше в Париже или в Барселоне?

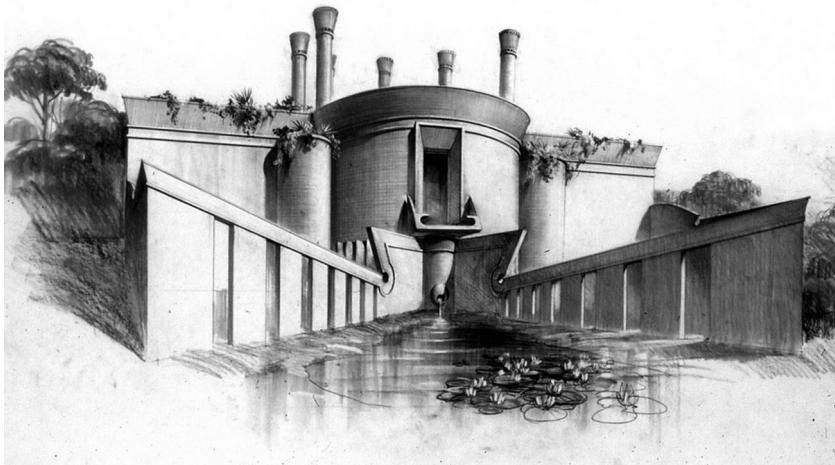
В Барселоне. Но Париж рентабельнее. Рентабельнее это между нами.

3. Аллюзии женского начала в Вилле Родона заложены сознательно или проистекли результатом случайной свободы?

Это амфитеатр, маленький театр.

Вилла Родона в Ла Пера, Жирона, 1981–1983

А не женщина?

Конечно, женщина... Но это же как называется, это не влагалище, это матрица.

4. Судьба вашего отца завершилась счастливо или трагически?

Я сумаю, очень счастливо. Он победил. Он победил две войны. Он победил голод. Он победил советский концлагерь.

А почему тогда ваши слова «я его видел последний раз в 49-м»?

Тогда его арестовали, судили и отправили на каторгу в Воркуту. Мама прибежала за мной в детский сад: быстро, быстро...

А умер он когда?

В 2001 году, в день открытия театра Лиуре.

5. Любовь к сборному железобетону (заводского изготовления, precast) в объектах избыточно театральных — это «назло» (против шерсти)? или «прогрессивно» (впереди планеты всей)?

Ты знаешь, я отношусь с огромным уважением к одному зданию, которое сейчас народа называет «ажурный дом». Построил его в Москве советский архитектор Андрей Буров в конце 1930-х.

С литыми ажурными решетками на лестничных клетках.

Да, ар-деко! Это первое железобетонное здание советское! И меня всегда удивляло, почему Сосо Джугашвили, который так поощрял строительство...

Или ему плохо доложили, или вообще не доложили... Он мог бы создать замечательную стройиндустрию! Пример был уникальный. Я отношусь с огромным трепетом к этой идее. Во-вторых, я считаю, что мы обязаны гарантировать долговечность, а не то, чему нас учат на Западе: совершенно идиотская постановка вопроса, мол, здание должно выдержать хотя бы десять лет, потому что кредиты возвращаются в этот период, а после этого оно может хоть рассыпаться! Бетон — может быть долговечным.

То есть идея прогрессивная.

Да.

6. Ваше любимое ничего-не-делание?

Уйти в природу... У меня пять гектаров леса вокруг дома. С тачкой, пилами, граблями, ножницами уходить чистить лес.

7. Что было ближе в молодые годы, времен «Красной стены» и Виллы Родона, сюрреализм Дали или кубизм Пикассо?

Была ближе революция 1968 года.

И что художнически было ближе, сюрреалистический подход Дали или кубический Пикассо?

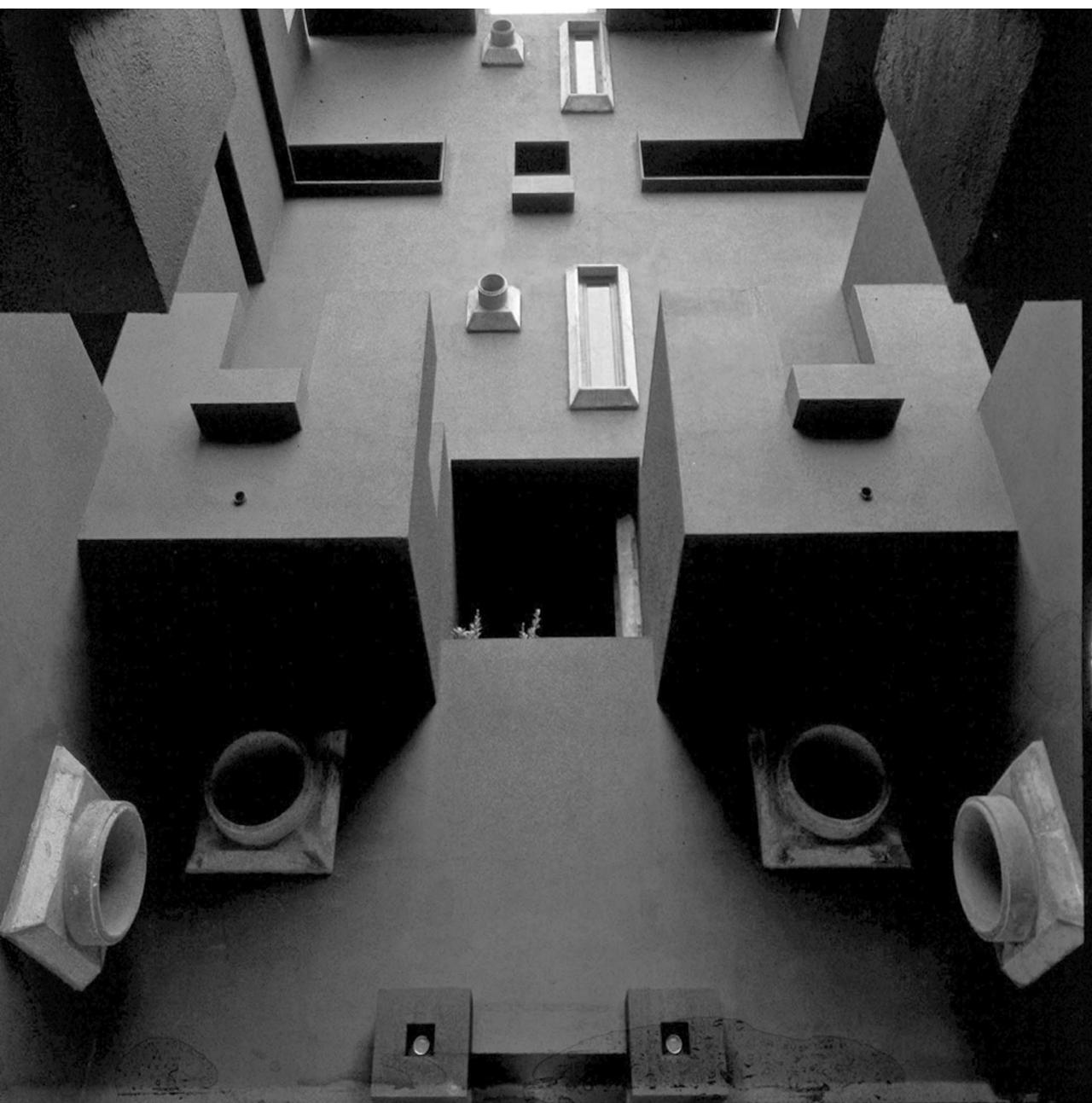
Ни то, ни другое, потому что они были уже «перелистанны».

Мурайя Роха очевидно ближе кубизму, такой себе Эшер, а вот Вилла Родона это аллюзии Дали.

маноло-75

Апарт-отель Мурайя Роха (Красная Стена) в Кальпе, Испания

Апарт-отель "Замок Кафки" в Ситжесе, Испания, 1966–1968

Да, надо было маэстро напротив привет передать (*Вилла Родона* находится визави Замка Гала-Дали, и единственное окно-проем главного фасада виллы расположено прямо на оси единственного окна восточного фасада замка). Он посыпал ко мне, спрашивал, что я там делаю, просял, чтобы объяснил ему, старику.

А 1968-й год почему?

Для меня 1968-й был концом всего на самом деле. Тогда я понял, что идет пиздец полный, разрушение коммунизма. Здесь, в СССР, не поняли этого. Вся «баталия» была представлена, можно сказать, мирно. Советские вошли через Чехословакию, французы расправились со студентами, американцы расстреляли свои университетские кампусы, в Мексике тоже... Это было размазано глобально.

Думаю, конец коммунизма в отдельно взятой стране, говоря про Советы, произошел раньше, при Сталине, благодаря методам: цель оправдывает средства. Когда миллионы людей кинули «в Воркуту».

Папа рассказывал мне, что 95 % заключенных были уголовниками, которых американская и западная пропаганда превратила в политических. Политических было 3–5 % максимум, и уголовники держали их в терроре.

8. Французский архитектурный бетон отличается от советского?

Буровский победил до французов. Я сумаю, отличается.

А французы победили, начиная с Яновского?

Приблизительно да. Они уже что-то старались делать, не показывая обратную сторону опалубки. Я пошел на производство, чтобы понять, что это такое, и понял, что в обратную сторону опалубки вставляют какие-то «манекены» (легкие закладные), чтобы облегчить вес панели. Им нужны «нервы», чтобы сделать панель более легкой. Или заливается что-то очень толстое, или для экономии цемента делаются «нервюры», усилители (арматура). Я сказал: А мы можем перевернуть панель, чтобы «in» был «ex» и наоборот? Нет проблем, просто нужно, конечно, менять структуру бетона. То, что мы предлагаем на «ex», должно перейти на ту сторону. — Они спрашивают, а для чего это? — Я говорю, понимаете, у меня тогда получается бесплатно архитектура. Потому что, во-первых, фигура панель, во-вторых, я делаю ее несущей, это уже не просто изолятор. И таким макаром я оплачиваю себе архитектуру. Это то, что Буров делал. **Буров экспериментировал и внедрял технологию в архитектуру, а потом начался просто хрущевский погоннаж.**

Жалко...

9. Теперь о ваших объектах Колледж Жорж Брассанс в Париже (1990–1992) и о Высшей школе администрации в Барселоне (1993–1995): гробная геометрическая аранжировка, остроугольный план и сложная софистика — это что, результат невозможности ясно охватить тему? (Нуньес смеется).

...или издержки иезуитско-католического заказа?

Еще больший провокатор!

...или кризис жанра?

Нет, дело в том, что есть форма участка, раз. Есть нормативы, два. И третье, самое главное, мне очень нравится перспектива. Я считаю, что школы, построенные в перспективе, дают какое-то задание мозгу ребенка. Есть нечто направляющее. Думаю, что это очень важно, ходить по театру Олимпико Палладио в перспективе, это как-то очень правильно.

10. Ваша любимая или «плодотворная» геометрическая фигура?

Круг.

11. Сколько у вас детей?

Пять официальных.

А не официальных?

Не знаю, мне сказали, что есть где-то один. Я думаю, тогда если есть один, может быть и два.

Как детей лейтенанта Шмидта?

Да (смеется).

12. Всякая пластическая идея нового проекта — навязчива или мимо-летна?

Первое предчувствие, когда ты начинаешь читать задание или начинаешь говорить с заказчиком...

...оказывается самым перспективным?

Да, я это даже доказал Юле, когда мы в прошлом году поучаствовали в одном конкурсе (*Музей современного искусства и площадь в Лиме, Перу*). Ей рассказал, какой проект нужно сделать для того, чтобы победить.

Но она не поверила?

Она сказала: Не уходи назад, иди вперед! И мы пошли вперед, сделали очень симпатичный проект типа Пьяцца ди Спанья, но наоборот. Перспектива вместо того, чтобы открываться, подниматься и т. д., закрывается и опускается. Но мы не выиграли и даже не оказались в группе победителей. А первые три проекта, которые выиграли, походили на то, о чем я ей рассказывал в самом начале. Для меня очень важно это предчувствие. Как-то раз мы летели вместе с пилотом-испытателем фирмы Boeing из Рима в Барселону, и он рассказал, что сегодня (это был восемьдесят какой-то год) все самолеты уже работают на компьютерах. Пилот единственное что делает, это вносит по ситуации в программу какой-то параметр. Например, облако впереди — значит, есть турбулентность, пристегните ремни! То, что я делаю, на самом деле приблизительно то же самое. Вот эта первая интуиция, я уже знаю, что да, это она. Но нужно пойти дальше.

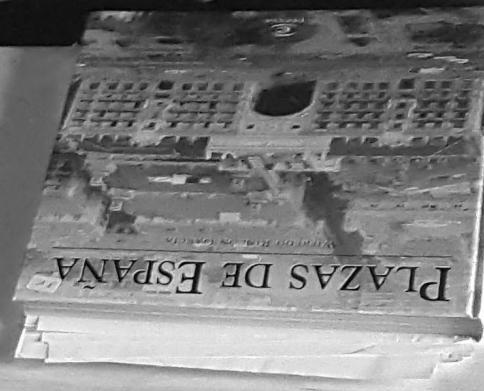
То есть «навязчивая» идея главнее, но в нее по ходу вносим корректизы.
Да.

13. Вы как-то сказали, что после 68-го революция закончились, упервшись в стену, даже в развалины, в руины стен. Постсоветские события не изменили этой точки зрения?

В 68-м году я был еще молодой, двадцать пять лет. Но почему-то возникло понимание того, что это всё, хана, крышка. Чехословакия, Париж,

МАНОЛО-75

Мануэль Ну涅с-Яновский: большой мраморный стол в Ла Пера

Калифорния, это всё конец, конец, конец... В 91-м году это оформилось.

14. Следует ли сохранять корриду?

Я думаю, что да, надо. У басков есть... В Каталонии уже запрещена.

То есть Мануэль за трагицию?

Да, но наоборот, была очень красивая альтернатива бою быков. Молодому матадору говорят: иди и покажи публике, что ты умеешь делать. Именно так появился Мануэль Бенитес Эль Кордобес, он еще жив (Кордобес значит человек из Кордовы), который шлепал быка по морде. Он так близко подходил к быку! Ты же видишь, как они подходят...

Зацепит за...

И запоешь как ракушка. (Смеется). Эти ракушки, которые вставляли в штаны в эпоху Возрождения. Он подходил к быку близко, «Давай! Давай! Атакуй! Ну, давай!» и боксировал с быком. Конечно, публика взвывала от удовольствия. Это было новое в классике корриды.

15. Во времена максимальной активности, когда было свое бюро, сколько было сотрудников на фирме?

До семидесяти. Сегодняшние машины заменяют с лихвой. Тогда компьютеров не было. Тогда первой машиной был я. Я всегда говорил всем своим и сам себе все время говорил: есть вещи в процессе проектирования и даже исполнения, которые я предпочитаю, взять рейсфедер или радиограф...

Есть в архитектуре вещи, говорит Мануэль, исключительно мануальные...

(Смеется). Да-га. Не стоит объяснять — ты садишься и делаешь.

16. Что стало первичным импульсом, своеобразной точкой бифуркации в замысле использовать сборный железобетон в Плас Пикассо?

Это была мечта. Это была давняя мечта!

Сколько давней мечте лет?

С 1969 года, а Плас Пикассо это 1979-й. В 69-м я побывал в Советском Союзе впервые после переезда в Испанию. Мне показали «Черёмушки» в Одессе и Тольятти, там у вас на Волге. И, конечно, я себе вставил в мозг, что надо идти к этому, идти к индустриализации строительства. Я вернулся в Испанию и сказал Боффилю: то, что мы делаем, это всего-навсего предчувствие. Но надо ввести эту дисциплину (сборный железобетон), надо верить в нее, надо ее развивать, надо добиваться. Это как раз был

«Замок Кафки» (проект М. Н.-Яновского 1966–1968 гг.). Тогда появились реальные подходы думать по-другому. Я даже использовал несколько грубо-индустриальных деталей из производства бетона, какие-то трубы для канализации и какие-то бетонные штуки, чтобы вставлять в них люки для вентиляции кухонь и ванных на фасаде. Они же торчат, просто никто не знает, что это такое. Когда в 1971 году мы переселились во Францию, я потирал руки — мы оказались в стране железобетонных конструкций.

17. Ваш любимый город?

Bay! Ну, наверно, Барселона.

18. Какое вино лучше: французское, каталонское, испанское или Шабо (это в Украине)?

Я знаю, заливал вчера водку Шабо в сангрию, потому что это единственная виноградная водка, которая у вас есть. Чтобы смешивать виноград с виноградом. Я сумаю, что у вин сегодня уже нет родины. Была какая-то родина вин, Франция, Италия... Теперь есть замечательные калифорнийские, чилийские... Я был в Аргентине несколько раз, у них шикарные вина. Мой сын Вадик работал в Австралии и привозил австралийские.

То есть виноматериал, без роду, без племени.

Я не понимаю, что происходит в общественности Запада и здесь, наверно, тоже — все вдруг кинулись производить вино, снова.

Потому что оно не спирт и возвращает нас в природу.

Ты сумаешь? Может быть. Маленький лоскоток — и каждый сажает виноград.

19. Вы богатый человек?

Да.

Чем?

У меня очень много культур. Я считаю себя Наполеоном. Но не Бонапартом, а тортом.

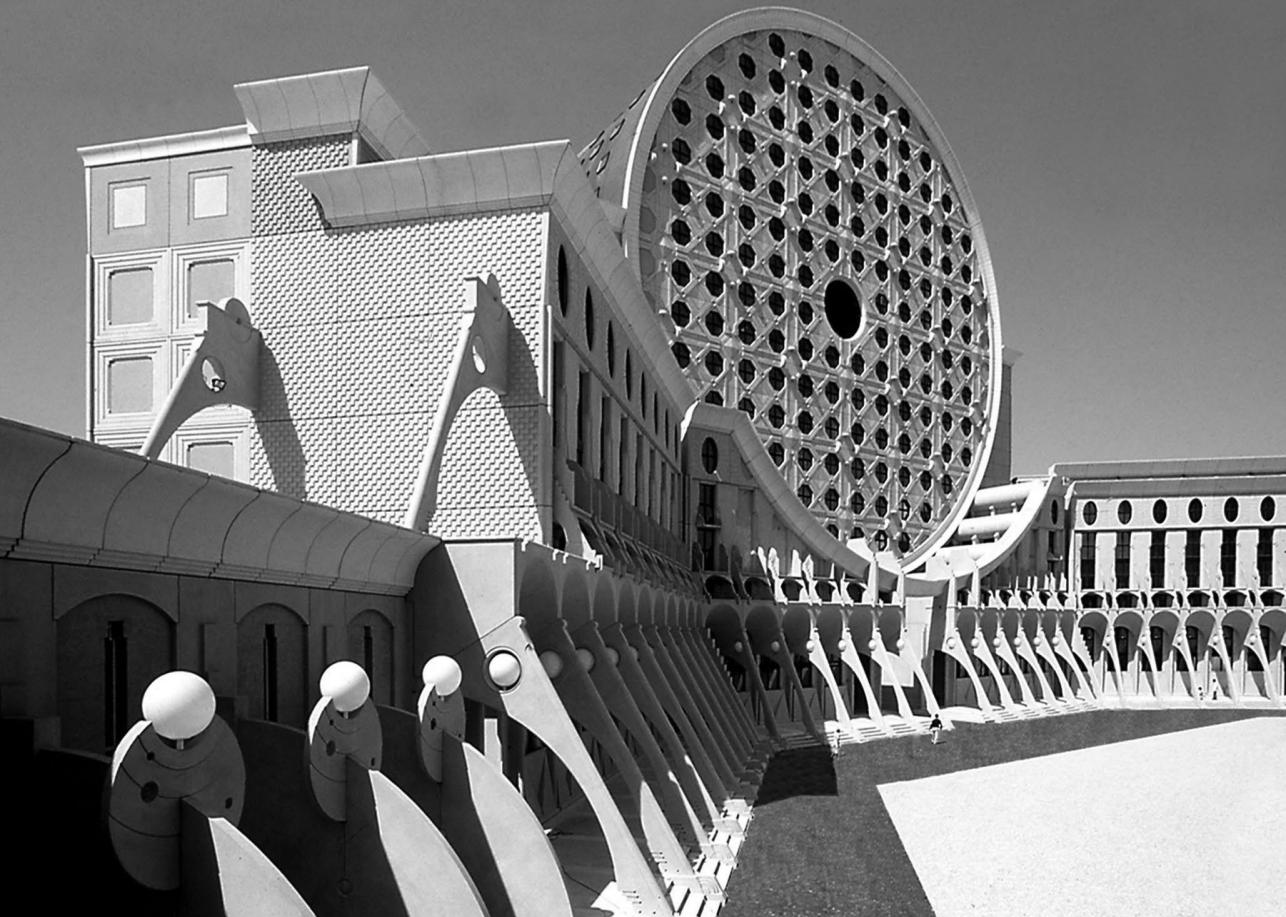
Словесное невероятное количество. (Смеются).

Да, много слов. От Самарканда до сегодняшних дней, я многослойный. Считаю, что самое большое богатство человека — эта многослойность. Мне очень нравится иногда гулять по этим слоям.

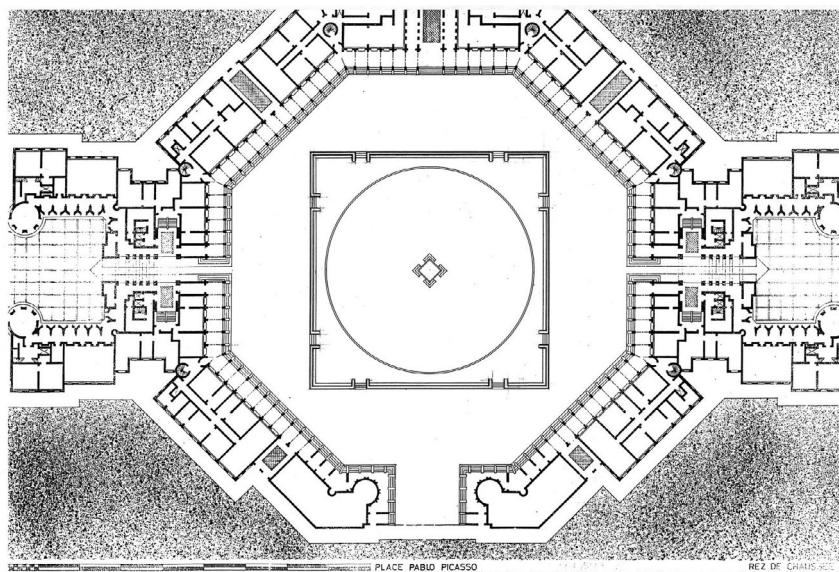
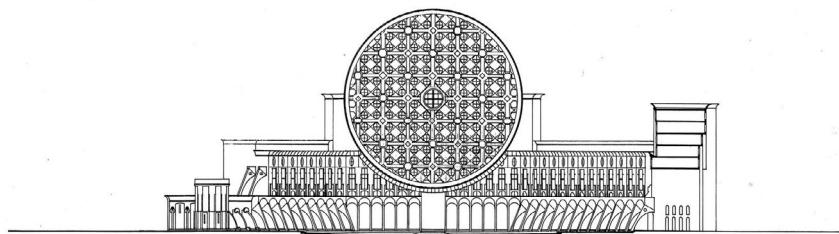
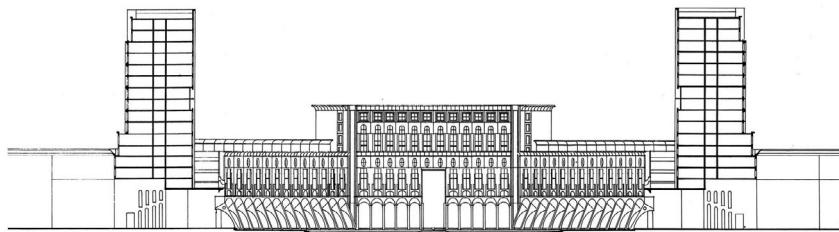
20. Сколько архитектурных бюро довелось организовать?

Bay! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... и сейчас седьмое. Семь.

21. Красивое число. Любите ли вы сыр?

Плас Пикассо: готическая роза из сборного железобетона

Жилищно-общественный комплекс "Плас Пикассо", Большой Париж, 1980–1984

Французский. Мне нравятся особенно... вот то, что Юле не нравится, мягкие плавленые.

Камамбер.

Да.

22. Есть ли шанс у города, или он распадается последовательно и принципиально?

Думаю, что шанса нет. Город раздавлен огромной своей территорией. Уже нет сугубо городской территории. Мы это не соберем никогда.

23. Вы много рисуете?

Нет, уже нет.

Идея, тем не менее, всегда эскизировалась и рисовалась вручную?

Да. У меня был период, наверно, это был какой-то психосоматический период — отрицания рисунка. Я не хотел рисовать больше, когда появились машины. И еще у меня очень болели кисти рук, я не мог продолжать рисовать. Сейчас я постепенно возвращаюсь, могу делать жесты, и руки не болят. Но рисовать уже не хочется. Тем более, у меня девочка (о жене), которая рисует замечательно.

24. Не стали ли знаменитые модернистско-театральные и эшеровско-геометрические объекты, такие как Вальден-7 в Барселоне (1970–1973) и Мурайя Роха в Кальпе (1973) прообразом современной архитектонической «дизайнерской архитектуры»?

Да, я согласен совершенно.

То есть Нуньес был провокатором?

Да, я рассказывал Юле, когда Рэм Колхас построил свой «вертикальный город» (*Роттердам, 2013*), что мы это сделали в 1970-м в Вальдене. Он был именно так сформулирован.

25. «Раньше сумай о родине, а потом о себе»?

Я всегда говорю детям, своей жене: когда ты встаешь, прежде всего думаешь о себе, потом ты думаешь еще раз о себе, а в третий раз, когда ты уже готов, задаешь себе вопрос: я правильно подумал о себе? И после этого ты приступаешь ко всему остальному.

26. Какой человек Рикардо Бофиль, в двух словах?

Амбициозный. Высоко амбициозный. Не оправдавший свою амбицию.

27. Застройка в бухте Омега в Севастополе создавалась с вашим участием?

Фабиан, Мануэль, Юлия

Постсоветская? Нет. Мы в 2013 году поехали туда и увидели, что они использовали тот лексикон, который был нами развит для строительства бухты Омега. Использовали некоторые его элементы. Но мы не участвовали. Ты подарил мне книжечку А+С, там Григорянц получает какую-то премию. Я когда его увидел в 2014 году в Севастополе, говорю: слушай, ты не мог бы поделиться хотя бы премией твоей? (Смеются).

28. О театре Лиуре на горе Монжуик (1991–2001): режиссер Фабиан Путчсервер (Fabian Puigserver) был скорее функционально удовлетворен или художнически восхищен результатом?

Он, бедняга, его не видел.

Но, в процессе, было предчувствие, что получается?

Фабиан был очень хорошим моим другом, мы с ним учились в театральном училище. Он был меня старше на пять лет, и закончил первую свою театральную карьеру в Кракове. Он знал, что я сделаю театр таким, как он желает. Я предлагал: Слушай, эпоха технологий! Давай разыграем это технологически! Будет автоматическая программа, будут нажимать на кнопки, все будет подниматься, опускаться, сцена раздвигаться, зал искажаться и т. г. Он сказал: Маноло, га, но при условии, что все равно можно будет вручную сделать волны на сцене, как делали в эпоху барокко, и поднимать какого-то ангела... В день открытия театра, день смерти

Театр "Лиуре" в Барселоне, 1991–2001

моего отца, и конечно памяти Фабиана, была на занавесе огромная его фотография, оркестр играл внизу, зал смотрел на Фабиана, фотографии из его жизни, и в конце этой увертюры оркестр был наверху, мы — внизу, все это раздвигалось, поднималось... Наш маленький Фаби носит его имя, потому что тот был гомосексуалом, и у него не было никогда детей. И так как родился вдруг этот жирик, мы решили...

Продлить его как-то?

Мы решили продлить память Фабиана. А с Фабианом у нас был простой договор. Я сказал: Я построю тебе театр. В Барселоне! А себе — тоже, но камерный, в провинции, в Ла Пера. И я хочу, чтобы летом ты присыпал ко мне актеров, чтобы они играли маленькие спектакли в моем провинциальном театрике, чтобы люди из деревень могли приходить на наши постановки, чтобы не умерла наша традиция — во время фашистской диктатуры мы, студенты театрального училища, ездили в разные деревушки со спектаклями, играли, декламировали стихи... Фабиан сказал: га! Но он умер. А я остался... у разбитого корыта.

Этот театр сегодня популярен в Барселоне?

Аиуре лучший театр в Барселоне, высоко популярный. Несмотря на то, что есть Национальный театр, который делал Боффиль.

29. С какими архитектурными бюро пришлось сотрудничать?

Со всеми.

В жанре кооперации?

Я все-таки «немножко международник», я всегда скитался, и с кооперацией у меня не было никаких проблем. Мне нравится моя профессия лишь тогда, когда я могу выехать куда-то и сделать что-то в новой для меня культуре, с новыми людьми. Это очень интересно, потому что вдруг ты оказываешься в совершенно другой ситуации.

30. Когда, с вашей точки зрения, закончился геометрический брутализм и началась иронически-театральная архитектура: в середине 70-х? в начале или в середине 80-х? в начале 90-х?

В середине 70-х. Итальянцы таки поставили точку наг и сказали: вот так. Во всяком случае, Альдо Росси, когда он поставил в Венеции театр на баржу, для меня это, конечно, было каким-то знамением.

И Марио Ботта.

Ну, Ботта был хорошим подмастерьем Луи Кана. В смысле, что Луи Кан

был еще «брутальным геометром», но деликатнейшим, слянного кирпичной фактура была очень важна. Марио работал у него, и он мне рассказывал, что отрисовывал Кана до микророделей.

С натуральным материалом работает виртуозно.

Ботта — да.

А у Кана в основном бетон.

Кирпич тоже. Дело в том, что между Каном и Боттой появляются японцы с их бетоном.

31. Пользуетесь ли вы лично Архикадом?

Нет, но он мне интересен. Сегодня есть уже 3D Max и Revit. Ты закладываешь всё, вплоть до последнего винтика.

Во что выльется суперавтоматизация, если студенты разучатся рисовать?

Борис, будет суперэлита. То, что есть. Хадиг, Фостер, Нуель, японцы, но в основном англо-саксонцы.

32. В начале 70-х кто больше любил Эшера — Бофиль или Нунье-Яновский?

Нунье.

33. Для вас женщина в архитектуре — муз, сотрудник, «отдельный проект»?

(Нунье смеется).

Я это говорю неслучайно, у нас есть друг из Москвы, Чернихов...

Андрюша.

Он говорит: женщины, женщины, о, это отдельный проект!

Я сумаю, все три вещи.

34. Кто из родителей оказал на вас большее влияние?

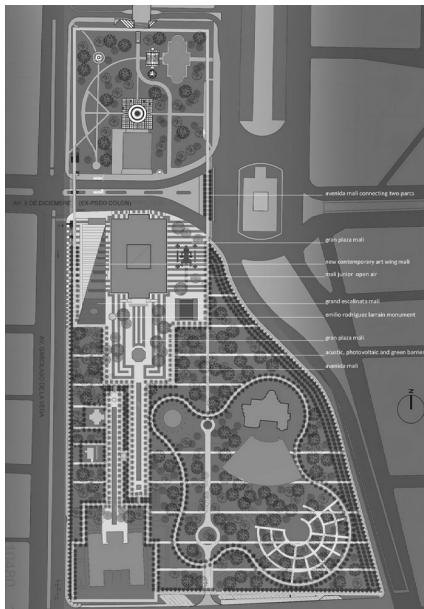
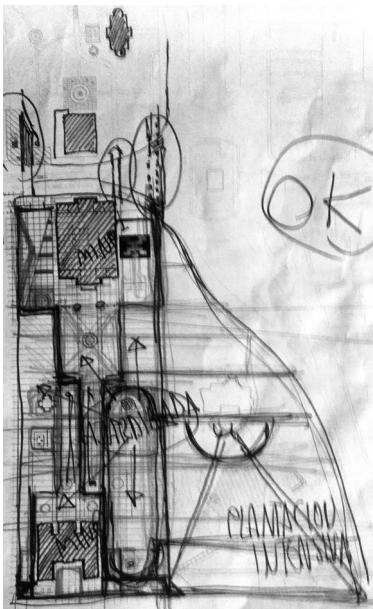
Каждый в свое время. Мама, конечно, была основополагателем всего этого, но папа был точечно очень важен. Самое главное не это. Как египетские божества говорили через своих священников, папа говорил через маму. Его не было, он был в концлагере, и мама воссоздавала, отец говорил устами матери. Папа твой сказал бы вот так, папа сделал бы так. Были фотографии, этот «иконостас». Письма... Он имел право на одно письмо в год.

В Испанию в 1956-м вернулись вместе?

Да.

35. Catalonia is not Spain?

Переведи, потому что нюанс уходит.

Музей современного искусства в Лиме, Перу, концепция архитт. М. Нуньес-Яновский, Ю. Супрунович, 2016

Вальден 7: атриум

Вертикальный город "Вальден 7" в Барселоне, 1970–1973

На заборе вокруг Саграда-Фамилии я видел надпись на каталонско-английском. Было написано так: Catalunia is not Spain.

Нет, это страшная вещь! Это то же самое, что и у вас. Американцы вставили свой пальчик где-то.

Думаю, этого не произойдет, такое предчувствие.

Здесь идет борьба между Европой и Америкой. Америка хочет взорвать Европу. Я вижу реорганизацию планеты вокруг Тихого океана. Не вокруг Атлантического корыта, это заканчивается. Есть вертикальная Америка, есть этот апендицит, Западная Европа, Африка. Там, вокруг Тихоокеанского стола, будет происходить всё остальное. И партнеры, они уже там сидят все. Так что им Европа не нужна.

36. Американизм — поглотит Европу или нет? или уже?

Уже поглотил. Мы заходим в любой ресторан, украинский, каталонский, где бы то ни было, музыка, елки-палки, я возмущаюсь: почему нет украинской музыки или просто классической?

На FM сейчас много модной украинской музыки.

У нас в Каталонии это выветрилось, подобное было в эпоху диктатуры фашистской, но потом...

37. Лучше Гран-Опера или Большой?

(Нуньес смеется).

И тот Гран, и этот.

Да, очень большие оба. Мне не нравится то, что они сделали с новой Оперой Бастилия.

Я не про архитектуру.

Но я говорю о другом, об организации самой оперы. И сумаю, что Большой... они в этом отношении остались консервативными.

Поэтому французы на канале Mezzo просто тащатся от всех проявлений ветхой классики. Они показывают российских скрипачей, пианистов, Мариинский, Большой...

Да, всё верно... Они питались вашим конструктивизмом, вашим супрематизмом по сегодняшний день, а теперь они пытаются вашими архивами, если так можно назвать.

38. Ваш проект-победитель Русского культурного центра в Париже (2011–2013) стал жертвой политических интриг. Чьих: франко-муниципальных или франко-русофобских, или, наоборот, российских клерикальных, или просто молодых, но наглых архитекторов, жестко упростивших концепцию?

Это напоминает мне викторины, которые организуются для челяди на телевидении. (Смеется). Там спрашивают: какой из вариантов? первый, второй или третий? Первый вариант правильный: франко-муниципальные.

То есть основные интриги таки муниципальные?

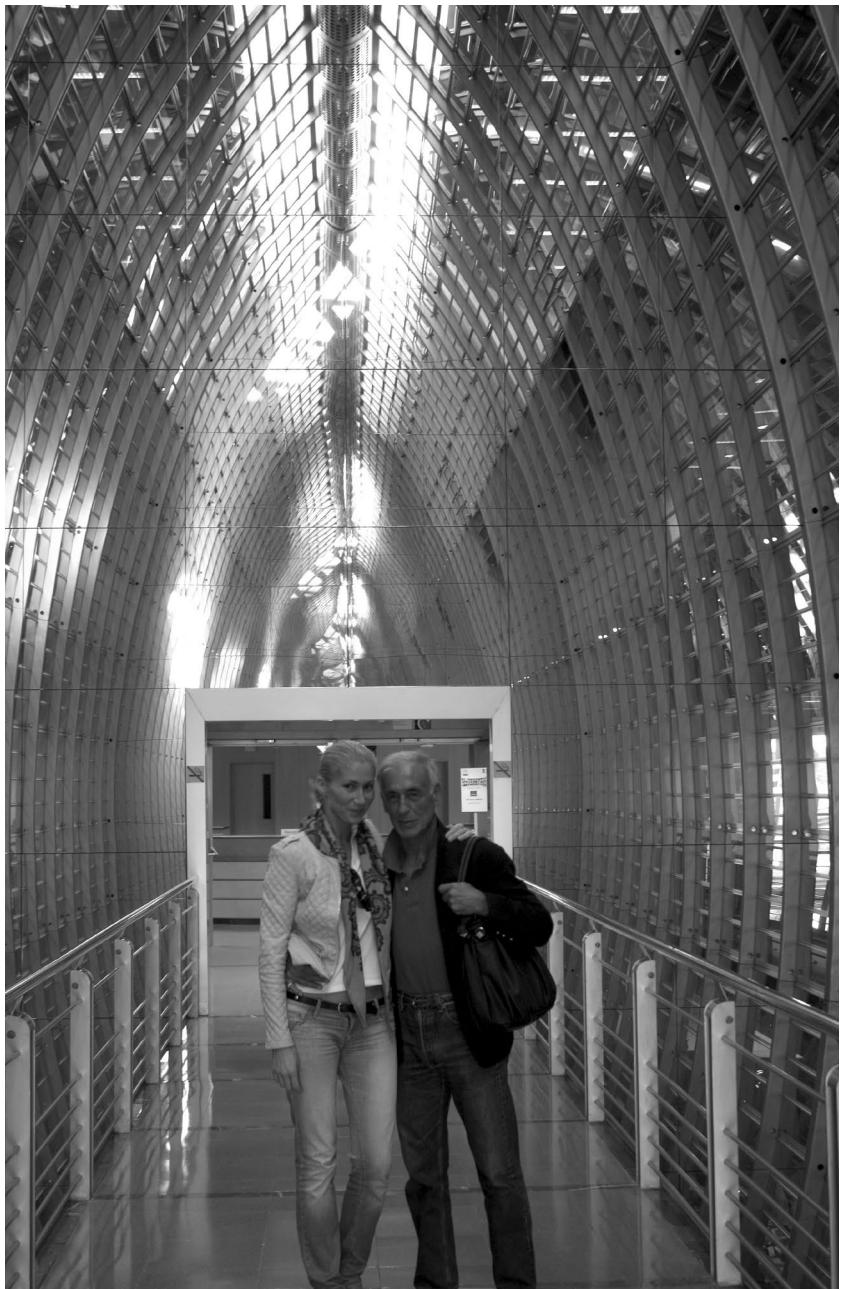
Только! Это французская проблема, они изнасиловали государственный закон.

Были задействованы деньги, которые нужно было передать другой команде?

Нет, нет! Во-первых, голубой сяська, который был тогда мэром Парижа (самое голубое государство в мире!) просто остервенел, потому что его фаворит не выиграл в конкурсе; а его «сети», все вокруг него, ненавидят Нуньеса, все эти советники, советницы и т. г. И второе: Саркози не исполнил свою часть договора с русскими. Я сказал послу России, представителю заказчика: господин посол, проект надо сдать 1 ноября. — Почему

Русский культурный центр в Париже, проект, 2011–2013

Юлия и Мануэль

такая точность? — Потому что остается шесть месяцев до выборов, чтобы получить разрешение на строительство... В итоге в 2012 году к власти во Франции пришел социалист Олланд. И мэр Парижа — голубой, педеграст, социалист. И всё!

Юлия Супрунович: Я очень волновалась, для меня вся эта тема — строительство русского храма в Париже, проект Мануэля, он же «русский» европеец... Тема была для меня очень серьезной, я пыталась ее понять и мучила Мануэля: если храм строят на лжи, наверно его нужно разрушить? Меня поразил его ответ: если храм построен на лжи, значит ложь это правда.

Мануэль: Когда строили первый русский храм в Париже, Александра Невского, царь-батюшка послал на кораблях землю русскую! А здесь хуже — храм стоит на огромной канализационной трубе, которая выходит из рядом стоящего дворца Президента Франции. Он стоит не на лжи, а на огромной трубе, по которой течет французское говно. Я заставлял их снять эту штуку, отвести трубу. В моем проекте была заложена подземная крипта. Французы сказали: нет, здесь наводняемая зона, вода заливает...

Борис: Голландцы в полной воде идут на 20 м в глубину, стоят машины, всё сухо...

Я спросил: Отметка какая? Так это же всего-навсего бордюр тротуара! Если поднять на 2 см, уже все нормально. Было наводнение 1910 года, и теперь установлена максимальная точка подъема уровня воды в Париже. Я поднял бордюр, поцы! значит, я могу теперь идти под землю спокойно по вашим нормам!

Здесь даже технологического вопроса нет, метро в Питере под Невой пятьдесят лет работает.

И туннель под Ла-Маншем. История плачевная, еще один раз политика страшно расправилась с архитекторами. Но не только. В данном случае заложником политики стало Православие. Во время работы над этим проектом я познакомился со своей будущей женой, Юлей, и она показала мне первые православные церкви Украины — киевские и черниговские. Я хотел понять. В Православии мне очень нравится чувство, из детства (когда я посещал с бабушкой церковь), которое я позабыл. Но зашел в Софию Киевскую и вновь поймал это ощущение — вокруг меня летали ангелы, херувимы, какие-то ваши святые... Не было этого готического гигантизма, который огромным мечем разбивает твою ментальность,

твой мозг, твоё представление о Боге — ты входишь и падаешь. Потому что перед готическим нефом ничего другого нельзя сделать. Особенно когда ты идешь по нему и слышишь звуки своих шагов, которые отдаются эхом в нем и в тебе самом. А здесь у вас совершенно другое: близость Бога в его образах — на стенах, на фресках, в иконах... Когда я вернулся в это чувство, когда «вошел с визитом» в Православие, как автор проекта-победителя православного центра в Париже, я понял, что Православие мне очень нравится. Православные люди живут совершенно в другом мире, и поэтому вы никогда не поймете Запад, даже если вам нравится что-то западное. Жить где-то в Майами это грубо, это глупо, это не ваш мир. Есть разные интересы, я понимаю прекрасно... Но, думаю, вам, украинцам, все же ближе Европа — Центральная, даже Западная. Мы, Испания, или Италия вам много ближе, чем Америка.

39. Благодаря чему в вашем полном имени возникла фамилия Яновский?

Благодаря испанским законам. Я на самом деле полжизни был Ну涅с-Эдрейра, это фамилия моего отца. И мама тоже была Эдрейра по советским законам. Когда мы переехали в Испанию, испанцы сказали: у нас по-другому. У нас мама и папа. Например, у нас были огромные проблемы с Юлей и с Фабиком, потому что Фабиан должен был называться Ну涅с-Шевченко — его мама по рождению Шевченко. А она хотела, чтобы Фабиан был Ну涅с-Яновский. В архитектурном мире я долгое время был Маноло Н.-Яновский, потому что мне больше нравилось звучание «Яновский». И русские, и украинцы, когда я приезжал сюда, называли меня только так — для них Ну涅с это «отчество».

40. Образование историка и археолога помогает предвидеть будущее? Наверное.

Но не наверняка? «Наверное» по-русски раньше значило «наверняка», а теперь «может быть».

Ну, упражнения на тему прошедшего, настоящего и будущего, будущего настоящего и будущего прошедшего, все эти комбинации всегда были, люди работали над ними. Я думаю, что я работаю над ними тоже, это очень важно. Для меня перспектива построения моей жизни с Юлей и Фабиком очень важны, потому что нужно предусмотреть, что может произойти в недалеком будущем. И когда я смотрю на это, я не понимаю, например,

где мы должны жить, чтобы у нее, когда меня уже не будет, и у мальчика, была какая-то перспектива.

Есть такое место, где можно спрятаться, Антарктида.
(Смеются).

41. Ваше любимое блюдо?

Пататас фритас, жареная картошка. Это голодные годы просто... Это осталось с голодных лет. Мама жарила картошку на воде.

Дети войны?

Дети голода.

42. Лучшая театральная постановка последнего времени?

Мне очень понравился «Отелло» в постановке Томаса Остермейера. Театр «Шаубюне», Берлин. И «Гамлет» тоже у него. Эти две вещи Остермейера меня очень удивили, очень понравились.

43. Почему одесситы так истово ополчились против совершенно удивительного и звонкого проекта Дерибас-Холл?

Ну, одесситов тех уже нет. И Одессы нет. Одесса сегодня сыпется. Тех, кто приехал из деревень, называют одесситами, но одесситов нет, а эти-ми можно легко управлять. И управляют вот эти общественники ваши, люди, которые хотят контролировать улицу.

44. Сколько осталось Путину?

Путина уже нет.

45. Ега — это скорее искусство или просто горючее для организма?

Везде стараются сделать искусство из нее. И меня это очень удивляет, потому что я вижу программы, даже у вас сегодня. У нас на Западе это телевизионные программы, курсы, конкурсы...

Мне не важна внешняя тенденция, а интересно скорее личное бытовое отношение.

Я всегда преклонялся перед алхимией, которая передавалась женщинами, они были алхимиками, ведьмами, которые зелье растирали в ступке. Но как человек голодухи и послевоенного времени я не имею особых пристрастий в еде. Иногда нравится просто прийти в ресторан с женой и сыном.

46. Ваш единомышленник Владимир Глазырин, характеристика в одно-два слова?

Я люблю его.

Дерибас-Холл в Одессе, концепция, 2010

**47. Что было вдохновителем удивительного солнца на Плас-Пикассо:
Булле, Леду, театр, Египет?**

Все вместе. Меня очень удивило то, что когда мы вышли на конкурс, гра-
достроители предоставили бумагу, на которой было написано: площадь
Пикассо, улица такая-то, сквер такой-то, это мне напомнило позже кино-
фильм «Догвиль».

Мрачный.

Да, очень страшный. Но эта ситуация была тоже довольно мрачная.
Смотришь на бумагу, где написано «площадь Пикассо» и ничего больше.
Хотя бы обозначили площадь, восьмиугольную, круглую, квадратную, тре-
угольную... Просто написано. С одной стороны это неплохо, но это значит,
что они хотели получить от нас площадь Пикассо. И тогда меня вернули
к самому себе... Я не люблю Пикассо лично, предпочитаю Дали. Но я ува-
жаю Пикассо, потому что он был огромным работягой. И убил всех имен-
но своей мощностью, напором. Когда я увидел его имя на плане, я ушел со
своей сигаретой в какой-то угол и задумался о нем. В конце концов, я понял,
что для меня Пикассо это ФФ — фиеста форм — праздник форм. Вдруг всё
проявилось, как на заказ. И я понял, что да, в том порядке, в котором ты
сказал... Я обожаю готическую розу, я обожаю солнце, я поклонник солнеч-
ной культуры, лунной культуры, оба глаза египетских меня очень интере-
суют — лунный и солнечный, и восток, и запад. Но готика мне очень нра-
вится, и сделать самую большую готическую розу в мире было бы неплохо.
Я преклоняюсь перед собором Парижской Богоматери, готическая цвето-
музыка для меня была последним изобретением в архитектуре...

**48. Испанский, русский, французский: с точки зрения общекультурной
и глубоко личной, в каком порядке следовало бы расставить эти языки?**

Так, как ты их и расставил, правильно. Испанский был моим первым языком,
можно сказать, почти материнским. Со мной мама говорила по-испански.

Испанская — первая империя, в которой никогда не заходило солнце...

Да, но иногда в разговоре у меня автоматически выплывает какое-то
французское уточнение. Я понимаю русских авторов, которые от фран-
цузского ушли снова на русский, благодаря Пушкину, Державину и т. д. Но
все-таки продолжали расставлять акценты в основном на французском.

Корсаж, винтаж, парашют...

И жюри. (Смеются).

49. Одесса задыхается в соплях и мелкотравчатости: насколько реально построить купол Дерибас-Холла, с авангардными технологиями, который придал бы городу новый импульс: по времени и по деньгам?
Я думаю, что совершенно реально. Импульс — я не знаю...

А если будет построен? «Огурец» Фостера сразу стал символом Лондона, они с «Дерибасом» почти сверстники...

Я смотрел больше на купол Рейхстага в этом отношении.

Сколько времени заняло бы строительство, если найти инвестора?

Два года. Там самая большая работа это разобрать здание, его полностью надо разобрать, полностью.

Оставить только наружные стены?

Нет-нет! Никаких стен. Мы сделали 3D всех деталей.

И по-новому поставить?

Железобетонные отливки замечательно будут жить, как в Teatre Lliure в Барселоне.

50. Хорошая скандинавская и хорошая средиземноморская архитектура, это скорее один исток и один вектор или разные?

Я думаю, совершенно разные. Это другие люди. Они не могут делать то, что делают в Средиземноморье. Другая история, другая культура, другой мир. «Из варяг в греки» это деление Европы очень правильное. Это нижняя Европа, африканская, и полярная.

Север Франции с Британией и Кале относятся туда же?

Да, я помню, когда впервые попал в Голландию, Бельгию, на север Франции: эти плоские фасады, но с перфорацией, отверстиями всюду для того, чтобы попадало солнце. Это и есть солнечная архитектура! Им нужно солнце! Мы защищаемся от солнца, у нас фильтры, а те хотят света.

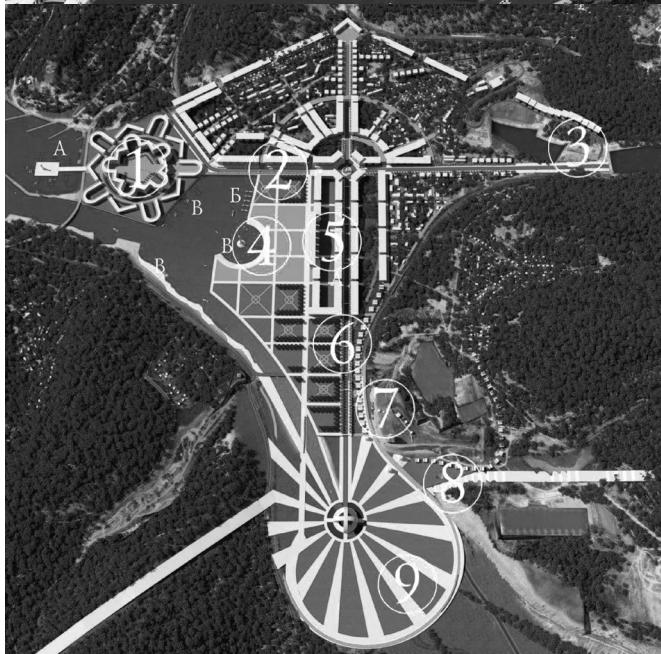
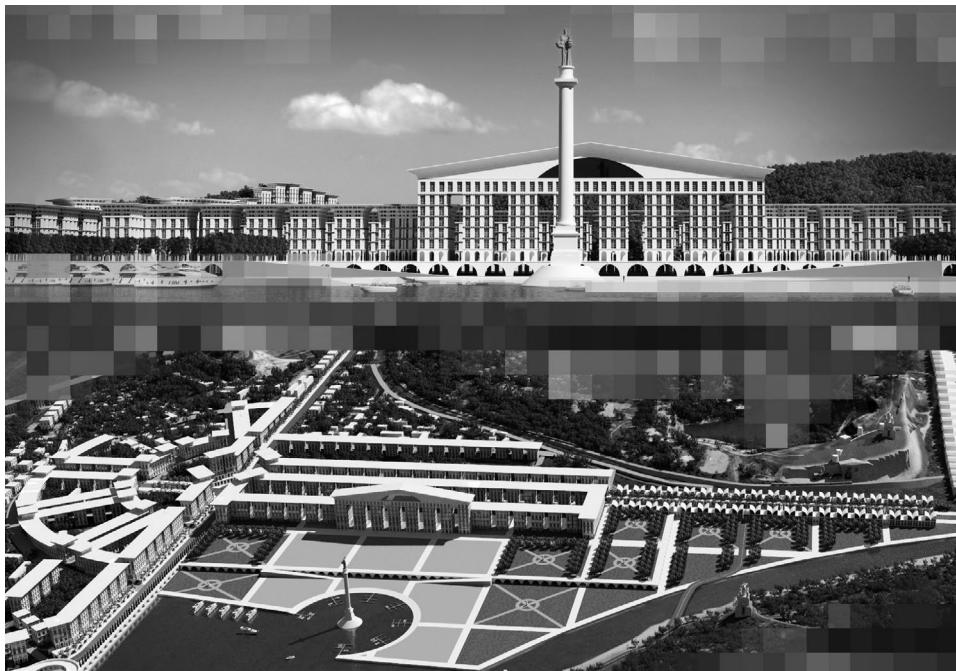
51. Есть ли у вас акции в сборно-железобетонном бизнесе?

Нет, ни одной. Ах, да, есть! Пардон. Есть мастерская, которая ждет меня, чтобы я начал работать в ней. Я ее главный акционер. Дома. На въезде, когда ты приедешь, увидишь: ворота открываются, и тебя ждут экспонаты железобетонных изделий.

Надо искать заказчиков?

Нет, я думал совершенно по-другому.

Искусство ради искусства?

НОВЫЙ ИНКЕРМАН

Состав
ландшафтно-архитектурного
ансамбля

- 1 - Флотская слобода
и площадь св. ап. Андрея
- 2 - Приморский бульвар
- 3 - детский парк
- 4 - площадь св. Владимира
- 5 - Дворец культуры и искусств
- 6 - Центральный проспект
и бульвар
- 7 - монастырский комплекс
- 8 - крестная лестница
- 9 - площадь св. Климента

А - яхтенная марина
Б - морской вокзал
В - причалы

Мультимодальный новый центр Инкермана, концепция, 2013–2015

Нет-нет, программа очень простая. Я обращаюсь к бетонщикам для того, чтобы они спонсировали, во-первых, поставку материалов для меня, потому что я буду заниматься не традиционными бетонами, а новыми, это дорогое удовольствие. Второе, чтобы их фонды, культурные, технологические, которые они финансируют, и т. г., брали эти вещи, которые я буду делать, и пропагандировали их как выставочные материалы, экспонаты. И третье, наверно, выходит на проект уже по-другому, более культурно, когда можно сказать: хочу это, или — хочу прозрачный бетон! В 2009 году я поставил точку на архитектуре. Меня это больше не интересовало. Я хотел сидеть у себя в лесу, иногда уходить дальше пилить деревья, чистить аллеи и т. г. и заниматься моим, вот этим железобетоном. Мой друг передал мне свою мастерскую с богатой коллекцией опалубок. Он в свое время многому меня научил и в архитектуре, и в железобетоне, открыв секреты мастерства бетонщиков. Его где работал с Антонио Гауди, и опалубки Гауди сохранились в этой мастерской, вместе с Путчи-и-Катафалк, Доминико Монтенер и гр. Я обнаружил там и мои опалубки, потому что тоже заказывал у него изделия. О'кей, решил я, теперь буду заниматься скульптурой и научными изысканиями в области железобетона. И начал заводить свое производство. Однако сегодня я снова вернулся в архитектуру, сам этого не ожидая. Наверно, не разгрузился совсем — хорошо заряжен. Так было не раз в моей жизни. В 1978 году, когда я ушел из Taller de Arquitectura, мне предложили снять кинофильм о Сальвадоре Альенде и военном перевороте в Чили 1973 года. Тогда я сказал: «Замечательно! Возвращаюсь в спектакль! Час, архитектура!» Сейчас стараюсь просто не зарекаться. Проект дома во французском Сарселе (жилой комплекс Клод Леви Страус, 2006–2009) я называю «предпоследним» своим проектом в архитектуре, потому что испанцы никогда не говорят «последний» о всем том, что имеет отношение к жизни.

52. Говорят, архитектура умерла. Есть ли у архитектуры будущее?
(Смеется). Ерофалов гениальный. Можно делать интервью просто из его вопросов. Ставьте сами какие хотите ответы. У тебя не было еще такого интервью? ...Думаю, что будет другая дисциплина. Будет называться как-то по-другому. Почему? Вот, например, мне очень нравится иеротопия. В Севастополе, когда я работал над инкерманским проектом «Мультимодальная платформа нового Инкермана» (этот проект заказал

монастырь), священник мне сказал, что «наг Инкерманом есть крест». Я сидел и искал этот крест...

Это поповщина... Но она привела к какому-то решению?

Она привела к кресту. Очень правильный крест из бухты в долину речки Черной. И речка Черная нас приводит в какой-то кратер сумасшедший, микроклимат замечательный, туда богатые хлопцы из Украины уже начинают вселяться, грамотно так спрятались... Через недели две три я вернулся и сказал: вот он, ваш крест, объединяющий существующий Инкерман, все эти, еще разбросанные повсюду советские штуки, и он ему дает первичное, исходное и начальное, он дает ему право на жизнь. Делаешь так, и вдруг все это проявляется. Иеротопия есть искусство, которое объединяет сакральное с гражданским.

Елена Ненашева: В прошлый приезд на лекции в Доме архитектора мы сравнили Киев с Римом, поскольку оба города на холмах, и в отдельных фрагментах Киева вы видите «римский сценарий». Но Рим — вечный город, в том смысле, что в нем можно прикоснуться к вечности, и таких городов немного. Относится ли к ним Киев?

Мануэль: Киев испоганили очень страшно в советское время, испоганили Левобережье. Ему не дали право на жизнь, этому «вечному городу». Но он есть на правой стороне, Киев это Правобережье.

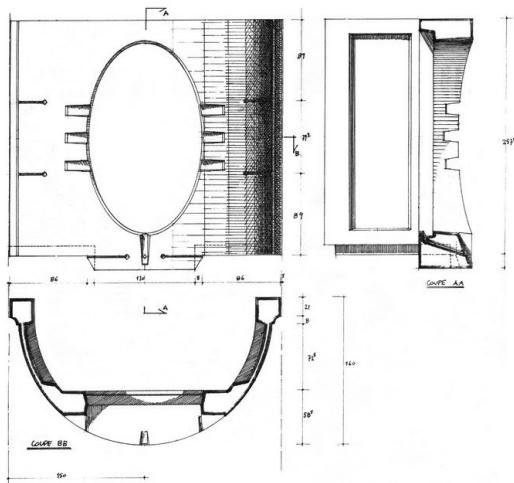
Е. Н.: И здесь можно прикоснуться...

М. Н.-Я.: ... га, к Богу.

Е. Н.: Но вы атеист...

М. Н.-Я.: Нет, я мистик, «атеистический мистик». Киев очень красивый, своеобразный, потому что из городов вдоль реки он — сюрпризом. Неожиданный. Здесь был римский каструм, как объяснял Борис. Но здесь римский каструм совершенно забыт. Киев стал первым славянским православным городом именно потому, что он, наверно, не следил за системой стен. Или стены адаптировались к его уникальной географии, что тоже может быть, между прочим. В Св. Софии есть замечательный макет Киева, на котором всё это видно.

Когда Цезарь завоевал Галлию, у него было шестьдесят тысяч воинов, шесть легионов. Вокруг этих рогатых галлов и кельтов, Верцингеториг, сидел на вершине холма в крепости за стеной. Цезарь их окружил, спустился немножко ниже, туда, где была вода, и построил частокол, гребе-

Сборные железобетонные элементы эркера, примененные для жилого комплекса Плас Пикассо в Нуази-ле-Гран и жилого комплекса Балкон де Кламар в Париже
Precast concrete elements of compass window used for the Place Picasso residential complex in Noisy-le-Grand and Balcon de Clamart in Paris

Прогрессивный сборный железобетон Плас Пикассо

шок. Кельтский вождь, когда увидел, что идут римляне, послал гонцов во все галльские провинции, чтобы великие, рогатые галлы пришли на помочь — свести с чем-то тысяч. Тогда Цезарь возводит второй частокол, закрыл самого себя с другой стороны. На самом деле он построил линейный город, вокруг горы проложил улицу, по которой они гоняли. Это для римлян было тоже необычно, потому что римляне селились квадратом: улица — улица, стена. А здесь он изобрел круглую улицу.

Борис Ерофалов: При этом Мануэль рассказывает о Киеве...

М. Н.-Я.: Подожди-подожди, я не забыл. Просто иногда мне нравится уходить далеко. Цезарь разбил сначала тех, которые сидели наверху. И взял их вождя в плен. А потом разбил более двухсот тысяч галлов, от которых он отделился сухообразной стеной. Киев, когда я увидел эту географию стены киевской, она была совершенно не римская, она не была продумана для того, чтобы защищаться от «культурной армии». Когда я увидел эту стенку, я понял, что римская армия не могла дать начало такому «бескультурью». Например, в Барселоне, когда смотришь на римский каструм, видно, что он дал средневековую Барселону, очень точно. Осталась эта сердцевина, вокруг которой появилось другое. Но все это цельное. Когда смотришь на любой римский город, они обрастили очень культурно, как слоистые пироги, они были как-то очень правильно сделаны вокруг центрального ядра. Киев, как говорим мы, испанцы, «вышел из матери»: по холмам, по горам, по волнам.

Б. Е.: Это «хазарский город»,nomadnyj, kochevoyj princip.

М. Н.-Я.: Может быть. Это и было, можно сказать, проектом будущего, сегодняшнего Киева. То, что создает его прелесть. По горам, по волнам...

Е. Н.: Вы говорите, что архитектура для вас — это продолжение театральной карьеры, и вы стараетесь быть трагикомиком. Поэтому «театральный» вопрос: если режиссер обращается к тексту драматурга, каковы источники граматурии в работе архитектора?

М. Н.-Я.: В сегодняшней грамматуре, это говорит театральщик, ты имеешь право брать текст, обрабатывать его и иногда даже дополнять. Я это тоже делал, но вернулся, в конце концов, к тексту: написал одну пьесу в своей жизни. Но с 1960–1970-х годов театральщик обращается с текстом свободно. В архитектуре это существует тоже, потому что архитекторы всегда работали с «текстами». Но уже не работают. В эпоху Возрождения можно было приставить что-то к романскому или готи-

ческому храму, что-то изменить, но сердцевину оставить. В соборе колониального испанского барокко Сантьяго-де-Компостела в Галисии, на родине моего отца (гранитный город, высеченный в граните), к романской сердцевине добавлено все остальное очень грамотно. И барокко, и ренессанс, все это было как-то очень правильно, потому что архитекторы тех времен оперировали именно текстами, градостроительными текстами, имели право брать их и адаптировать, например, к ренессансу, вырезать что-то и вставить барокко. Это делалось все время. Не было этой страшной паники: ой, не трогайте, это памятник! Не было понятия «памятник». Памятник был рабочим инструментом, храмы работали — до французской революции во Франции и до октябрьской революции у вас здесь. Сакральное существовало, и люди работали с этим сакральным. Поэтому иеротопия для меня сегодня может быть... Я думаю, мы вернемся к архитектуре, но через какую-то новую дисциплину.

Возвращаюсь к твоему вопросу. В театре мы начали работать с текстами не так уж давно, в конце 1960-х, когда появилась эта дерзость: мы, молодые, имеем право на всё. Я вспоминаю комсомольскую песню: «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Думаю, что это правильно. И в 1968 году мы, двадцатипятилетние пацаны, имели право на это, брать текст и вырезать из него, делать его более легким или добавлять свое. Вплоть до того, что в одной из последних моих постановок я работал с автором и спрашивал актера: «Ты вот эту фразу как чувствуешь? На улице так не говорят! А как говорят? Вот так. Автор, пиши!» В архитектуре эта паника по поводу разрушения памятников появилась всего-навсего во время Второй мировой войны, потому что мы изобрели индустриальное истребление городов, памятники стали пропадать индустриально, Варшава и Дрезден, например. И мы вдруг изобрели какие-то комитеты по охране памятников. Это херня! В итоге мы сегодня не можем спокойно подойти к храму и поставить рядом какой-то красивый проектик. Почему? Потому что нам это нравится.

Б. Е.: Иеротопия?

М. Н.-Я.: Иеротопия.